

ОБСУЖДАЕМ ПЕРСПЕКТИВЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

О.А. Донских, В.И. Супрун

Новосибирский государственный
университет экономики и управления
Институт философии и права СО РАН

olegdonskikh@yandex.ru

Обсуждается проблема соотношения понятий «модернизация» и «инновация». Рассматриваются четыре типа инноваций, включая креативную деструкцию, поддерживающую инновацию, прерывную инновацию, деструктивную инновацию. Анализируются такие недостатки нашей науки и системы образования, как междисциплинарные барьеры и существенная недооценка роли гуманитарных наук, в частности, в связи с перспективами Болонского процесса.

Ключевые слова: инновация, модернизация, наука, образование.

23–24 сентября в рамках Интерры – II Международного молодежного инновационного форума в Сибири (организованного правительством Новосибирской области) – прошел организованный социопрогностическим Фондом «Трендъ» симпозиум «Инновации как фактор стратегии модернизации», в котором по инициативе Фонда приняли участие ведущие ученые страны и зарубежные эксперты. Три панельных круглых стола симпозиума были посвящены таким темам, как «Наука и образование как движущие силы инновационного процесса», «Инновации как прорыв современной экономики в будущее» и «Инновации в социуме – ресурс креативного потенциала страны». Модератором круглых столов выступил директор Фонда д. филос. н., проф. В.И. Супрун.

Редакция журнала «Идеи и идеалы» полагает, что дискуссия была интересной и проблемной, и публикует беседу участника симпозиума главного редактора «ИИИ» О.А. Донских и члена редакционного сове-

та журнала В.И. Супруна, в которой обсуждаются некоторые важные темы, касающиеся перспектив инновационного развития страны, как они были представлены на симпозиуме. В данном случае берется в первую очередь аспект смысловой – что же такое инновации – и научно-образовательный.

Журнал планирует в будущем проводить подобные обсуждения важных и актуальных тем, звучащих на научных мероприятиях сибирского региона.

О.А. Донских – Владимир Иванович, вы были организатором симпозиума и модератором трех круглых столов, которые прошли в рамках Интерры. Первый вопрос, который встает здесь естественным образом (потому что еще в прошлом году мы об этом так много не говорили), – почему тема инноваций с особой остротой возникла именно сейчас? И только ли для России это характерно? Только ли это модный лозунг?

В.И. Супрун: Тему инноваций нужно относить к трем блокам – во-первых, к

экономике, в частности, к разделу технологий. Во-вторых, к области науки, потому что именно наука является той сферой, которая продуцирует новые идеи, и, сопряженное с ней образование, которое призвано готовить креативных, по-новому мыслящих людей. И, в-третьих, инновации относятся непосредственно к гражданскому обществу, что подразумевает появление новых форм организации общественной жизни, наполненных духом обновления. Сама по себе тема инноваций поднята западными аналитиками, которые столкнулись с проблемами экономического рода, но почему они нас опередили? В 60-70-е годы XX века страна стала погружаться в ситуацию спячки, в своеобразный летаргический сон. Это стало называться «фазой стагнации», застоём. И в экономике, и в политике, и в обществе в целом. Символом застоя стал наш легендарный Леонид Ильич Брежнев, симпатичный генсек. А в это время мир, не обращая на нас особого внимания, продолжал движение. И мне хорошо помнится, что, возвращаясь из-за рубежа, я замечал, как умиротворенно здесь жить. Ничего не меняется. Там все бежит, пестрит, что-то летает, крутом всякие машинки, суэта... А здесь все спокойно, медленно. Но так ведь не могло продолжаться вечно. Это, кстати, противоречит и принципам марксистской диалектики. Что касается того же запада, то там появились новые пророки обновления – О. Тоффлер, Й. Шумпетер и другие. Йозеф Алоиз Шумпетер, в частности, отметил важность именно инновационных изменений.

Д. – Вы считаете, что уже в те далекие годы Шумпетер смог определить тенденции глобального развития?

С. – Да, смог. В его работах меня поразило, что обычно, говоря об инновациях, делают акцент на организации и инвестициях. А он говорил, что успешное новаторство –

это достижение не только ума, интеллекта, но и воли. И, действительно, в 60-е годы мы впали в летаргию, в дремучий «дядюшкин сон», и не потому, что не было умных людей, а потому, что не было воли к свершениям. Это как раз то, что написано в вашей книге «Воля к достоинству». Импульс был погашен. Воля ушла. Но это тема для особого разговора. В результате мы попали в очень интересную ситуацию. Ведь инновации – это принципиально новое. То, чего не было. Это спор не только теоретический, но и стратегический. Нельзя понимать под инновациями некие небольшие улучшения. Например, появление некоей новой модели автомобиля, которую затем улучшают, по-новому окрашивают, добавляют ремни безопасности, электропечку и т.д.

Д. – Понятно. Речь идет о том, что нужно отличать инновации от модернизации. Улучшение уже существующего – это модернизация, тогда как инновация – это прорыв. Появление самого автомобиля или самолета – это инновация. Его совершенствование, его развитие и постепенное внедрение в жизнь общества – модернизация. Но их часто путают. Когда мы говорим о том, что станочный парк должен меняться раз в пять лет, что технология производства должна быть на определенном уровне – это модернизация. А инновация – это другое, это то, чего еще просто не было.

С. – Конечно. Я использую свою классификацию, которая отталкивается от классификации Шумпетера, – и говорю о четырех типах инноваций. Первая – креативная деструкция. Происходит разрушение, но на основе этого разрушения возникает новое, такое, которое лучше прошлого. Второе – поддерживающая инновация. Фактически это и есть модернизация. Третий тип инноваций – это прерывная инновация. Образ

здесь такой: течет река, и вдруг – запруда, и река вынуждена течь по-другому. И четвертый тип инноваций, о котором политики особенно не любят говорить, – это деструктивная инновация. Такая, которая разносит все. Это, например, то, что мы пережили во время перестройки. Если вы помните, сначала говорили об ускорении, о гласности, а на самом деле обернулось совершенно другим. Разнесло все. Возникла новая страна.

Д. – Мы уже немного коснулись того, что можно обозначить очень нечетким и в то же время очень важным словом – «дух». Дух инноваций. Затрагивает ли инновация какую-то группу людей или это относится к обществу в целом? Иначе говоря, мы говорим о группе инноваторов или все общество должно быть пронизано этим духом? Ведь понятно, что по последствиям это относится ко всему обществу, но либо все должны напрягаться, либо напрягаются те двадцать процентов, которые выпивают семьдесят процентов пива?

С. – Очень интересный вопрос. У нас, к сожалению, он практически не обсуждается. А американские эксперты заметили, что специальные отделы по исследованиям и разработкам, которые созданы для того, чтобы разрабатывать инновативные решения и предлагать их для внедрения, не всегда могут это сделать. Иногда не получается. Инновации не идут. И это связано с тем, что в той или иной корпорации отсутствует творческий дух. Нет открытости. Люди выполняют свою работу от и до. Именно то, за что они получают зарплату. И эксперты пришли к правильному выводу: мы никогда не добьемся никаких прорывов, если во всем обществе отсутствует дух новаторства, энтузиазм, пафосность, устремленность в будущее, открытость к новому. И в этом отношении мы, конечно, прои-

грываем нашим отцам и дедам, жителям нашей собственной страны, Советского Союза. В 20-е, в 30-е годы был дух энтузиазма и убежденность в том, что создается новая страна. Можно говорить, что они ошибались, что это все утопии, иллюзии... Не об этом речь. А о всеохватности свершений. Квинтэссенцией этого духа были фильмы, которые называют «советским голливудом», вроде «Волги-Волги», «Цирка», «Веселых ребят». Они отражали эту пафосность. Были песни, музыка Дунаевского. Это не панегирик тому времени, ведь все помнят и о лагерях, речь идет о настрое общества.

Д. – Я бы подытожил это так: либо создается группа людей, которая в своей деятельности заточена на инновации, либо мы говорим об обществе, которое или настроено на перемены, или живет как живется.

Хотелось бы обсудить вот еще что. На симпозиуме шел разговор об инновациях в разных контекстах – экономическом, образовательном, социальном. Я хотел бы остановиться на инновациях в связи с наукой и образованием. Начнем с науки. Итак, есть инновационный вызов. Нужен соответствующий дух в обществе. Но без науки он не реализуется в любом случае. Как вы считаете, наша наука способна создавать и реализовывать инновации? Даже если общество к этому еще не готово. У нас создается Сколково – российский аналог Силиконовой долины. (Туда сейчас хотели пригласить последних нобелевских лауреатов российского происхождения. Кстати говоря, один из них, Гейм, уже в самых возмущенных тонах выразил свое отношение к возможному предложению.) Получится?

С. – Ответ парадоксален. Дело в том, что через систему Интернета в глобальное информационное пространство вбрасывается огромное количество разных идей. Вопрос

в том, кто здесь найдет инновационную идею. В свое время Россия нашла инновационную идею в учении Карла Маркса. Это же не производство российских обществоведов. Это идеи немецкие. Это просто пример, который показывает, что инновации открыты всем ветрам. А возвращаясь к роли науки, можно сказать, что идея специального центра, который будет разрабатывать инновации, несмотря на всю свою привлекательность, довольно сомнительна.

Д. – Идея-то весьма проста: мы собираем в одном месте инноваторов, и вот уже все цветет и пахнет. Но наука – часть общества, и если в обществе духа инноваций нет, то его не будет и в научном сообществе. Даже если по уровню оно соответствует мировому.

С. – Без духа инноваторства в обществе ничего не будет. Нет той химии, в которой это все расцветет. Ничего не получается. Силиконовую долину пытались делать французы у себя на Лазурном берегу, это пытались делать немцы, японцы... Это, конечно, лучше, чем ничего не делать, но прорыва, как у американцев, не получилось.

Д. – И еще один аспект. А вот по уровню мы способны эти идеи схватить? Это же еще очень важно.

С. – Инновации появляются на стыках. Есть контрабандисты знаний. Те, кто перетаскивает знания через границы своих областей, из страны химии в страну физики, а потом из физики в химию.

Д. – Кстати великий физик Резерфорд получил нобелевскую премию по химии.

С. – В общественных науках это, например, движение из экономики в философию и наоборот, а кто-то забрел отсюда в социологию... Но именно эти люди нужны. Хотя на границе могут пристрелить свои же. Недостатком нашей науки является излишняя дис-

циплинарность, профессионализация. Недавно произошел забавный эпизод, когда одна аспирантка употребила в своем докладе слово «специфика». Ей тут же наделали замечаний – как можно употреблять это слово, когда нужно говорить об «особенности»? Эта ложно понимаемая профессионализация, которая заставляет говорить на своем «птичьем» языке, к сожалению, является недостатком не только российской науки. А Академгородок, как мне кажется, как место междисциплинарного диалога без узких «особенностей».

Д. – По крайней мере он реализовался таким образом в начале своей истории.

С. – В частности, и через межличностные контакты. А современные идеи появляются на пересечениях. И на межкультурных пересечениях, которые дают эффект. Так, китайцы не стесняются учиться в Америке, а потом возвращаются к себе.

Д. – Я бы подытожил сказанное таким образом, что у нас есть ученые такого ранга, которые способны оценить определенные идеи, но наука как институт достаточно у нас отсталая, и здесь требуются какие-то серьезные решения. Кроме того, понятно, – и об этом говорят гораздо больше, – что должны быть механизмы, переводящие идеи в материал. У нас с этим совсем плохо. Еще в военно-космической области в советское время идеи внедрялись и успешно, а во всех остальных областях ситуация была, мягко говоря, очень неважной. Конечно, нужны технопарки, о которых много говорят. Нужно выстраивать это звено между наукой и производством и т.д.

Теперь я хотел бы теперь перейти к вопросу об образовании, который волнует меня еще больше. Вопрос здесь следующий: ставится задача воспитывать инноваторов. Но инноватором человек может быть, только если он много знает, если он

обладает реальными знаниями. Иначе будут изобретаться даже не велосипеды, а что-то совсем примитивное, и это что-то будет выдаваться за инновации. Я встречался с ребятами, которые горели духом инноваций. Но дело в том, что они настолько невежественны, что для них все вокруг будет новым. И они живут в мире инноваций. Им говорят, что Русь крестил князь Владимир, а они думали, что это сделал Александр Македонский. Для них это инновация. Нужно понимать, что инновации начинаются с определенного уровня. А иначе это профанация. И когда вместо специалистов мы начинаем готовить бакалавров, когда уменьшается количество часов, но это не возмещается самостоятельной работой, особенно если учесть, что даже студенты дневных отделений должны работать, чтобы оплачивать учебу... Вам не кажется, что существует серьезное противоречие между теми программами, которые реализуются в системе образования и которые ведут к снижению его уровня, и необходимостью отвечать на инновационный вызов? За счет нескольких федерально-национальных университетов это не сделать. Узкая группа людей уедет по окончании этих нескольких университетов куда-нибудь в Америку или Австралию и будет работать в тамошних силиконовых долинах. А когда они будут получать нобелевские премии, мы будем потом грустно вспоминать, что они учились у нас.

С. – Тема нетривиальная. Потому что, как мы говорим, институт науки и институт образования при решении стратегической задачи создания инновационного общества должны соответствовать друг другу. Старомодная, бюрократизированная наука и плохое образование неспособны ничего продвинуть. Здесь возникает интересная тема. На что же должны ориентироваться

школа и система высшего профессионального образования? Первый критерий – некий усредненный стандарт в рамках Болонского процесса. Нужно ли это России? Большой вопрос. Потому что Россия была достаточно инновативна до определенного момента ... а она была – можно вспомнить атомные ледоколы ...

Д. – Я думаю, что самым ярким достижением был наш космический челнок «Буран», который сел на землю в то время, как американские садились только на воду.

С. – Да, дух уже начал уходить, тем не менее в технологиях мы были еще достаточно инновативны. И это свидетельствует о том, что образование находилось на приличном уровне. Источники ЮНЕСКО говорят, что до 1985 года в области естественных наук и математики мы были в школьном образовании на третьем-четвертом месте в мире, уступая только таким маленьким, но «упорным» государствам, как Сингапур, Гонконг, Япония.

Д. – Уж во всяком случае не пятидесятое или еще ниже, как нам сейчас объясняют поборники реформ, ведущих вниз. Об этом даже смешно говорить.

С. – Возникает вопрос: а зачем проводить деструктивные инновации, если это приводит к разрушению того, что позитивно? Нужна модернизация, постепенное улучшение. Зачем разрушать высшее образование, ориентируясь на некий мифический Болонский процесс? Который готовит кадры ремесленного типа для европейцев. При этом нужно помнить, что из той же благословенной Германии сто тысяч выпускников уезжает в Америку жить и работать. Теперь эту лакуну будут заполнять наши. И о какой инновативности можно говорить, если мы будем уже на первой ступени терять столько людей, которые хотя

бы что-то могут? Совершенно очевидно, что нужна была не деструктивная, а поддерживающая инновация. Мы не можем сделать у нас американский университет. У нас нет таких ресурсов. У нас другая концептуальная структура.

Д. – Это все равно, что делать самолет современного типа из фанеры. Для справки стоит напомнить, что ежегодный бюджет Гарвардского университета превышает 20 миллиардов долларов.

С. – Да, кроме того, у нас сложилась определенная серьезная традиция в образовании. Следует помнить, что помимо математической составляющей у нас была сильна и гуманитарная направленность. При всех ее известных недостатках. Но она была достаточно велика. От ученика школы требовалось прочитать «Войну и мир», подумать над описанием битвы при Аустерлице, о метаниях Наташи Ростовой... Нужно было знать письмо Татьяны Онегиной. А сейчас Дом-2. Некий дом полутеней.

Д. – Итак, вы согласны с тем, что существует очень серьезный разрыв между тем, что происходит в образовании и инновационным вызовом?

С. – Я бы сказал, что и в обществе, и в образовании происходит одна вещь: ни общество, ни система образования ни к каким инновациям не готовы. И можно обсуждать только тенденции. Но, по крайней мере, в обществе видна провозглашенная президентом тенденция на креативную инновацию, можно спорить о том, где должно быть Сколково – там или в Новосибирске, где это бы обошлось существенно дешевле... А деструктивная инновация в образовании не ведет ни к чему. Если этот процесс будет продолжаться, то инновационный порыв России не будет обеспечен. У нас в образовании идет процесс имита-

ции. А имитация никогда не приведет ни к какому прорыву, ни к чему новому. Мы пытаемся имитировать американскую модель или, точнее, некую усредненную плохо понимаемую якобы западную модель.

Д. – Конечно, нигде же нет средней модели. Есть разные национальные модели образования.

С. – И при этом бить себя в грудь и говорить, что это современно и инновационно. На самом деле это полная имитация. Ключевое слово – не подражай. Не потому, что я лучше. Просто у тебя есть хорошая традиция, которая показала себя на практике. В конце концов Советский Союз в семидесятые годы реально, по оценке самих американцев, был второй державой мира. А где был Китай тридцать лет назад? Он был за своей Великой стеной. И обидно проигрывать там, где можно было никак не проиграть. Какие ошибки совершены? В оценках эффективности системы. И каковы критерии этой эффективности? В уровне подготовки выпускников школ и вузов.

Д. – Я должен сказать, что просматривал ряд ключевых министерских документов, которые относятся к реформе образования. В них есть один поразительный момент: нигде нет констатирующей части. Возьмем любые документы советской эпохи. Всегда они начинались с констатирующей части. Даже один из самых позорных – Продовольственная программа. В нынешних документах есть только отписка, что реформы проводятся «при сохранении того лучшего, что есть в традициях отечественной системы образования». Но что это за «лучшее», нигде не говорится. А как можно что-то переделывать, если не зафиксирован исходный момент? Ведь если хочешь трансформировать, реформировать систему, нужно указать, что будет переде-

льваться. А здесь вместо поддерживающей инновации просто вбивается чуждая система без всякой попытки предсказать, что будет в результате. Поскольку имеется в виду, что будет в результате западная система образования. При этом приводится липовая статистика. Я не верю, что МГУ находится в конце первой сотни университетов мира. Все зависит от критериев. Я работал на западе и я знаю, что мое образование было явно не хуже. Я хотел бы спросить, какие выходы предлагаются из данной ситуации?

С. – Первое: должны быть выработаны критерии оценки эффективности системы в зависимости от стратегии, от того, какие цели мы ставим. Например: если цель номер один – сделать, как на западе, значит, нужно готовить кадры ремесленников для европейских стран. Тогда вводим ЕГЭ, Болонский процесс. Короче, работаем в этом направлении. За это мы получаем определенные бабки и – смело вперед! Никаких инноваций. Страна становится не только сырьевым, но и человечески-ресурсным придатком запада.

Д. – Или востока.

С. – Да, или уже, может быть, востока. Или может быть вторая цель – мы готовим по-настоящему креативных людей, которые способны сначала модернизировать, а потом инноватировать страну. Тогда мы должны делать все по-другому, и мы должны ориентироваться на высшие образцы и ставить высшие цели. Вводим междисциплинарные курсы, гибридные курсы, гуманитарная, социально-политическая часть вводится даже больше, чем на западе, где, кстати, это активно делается сейчас.

Возвращаясь к нашему симпозиуму, нельзя не сказать еще, что мы столкнулись с беспрецедентным случаем: мы пригласили крупнейших, ведущих экспертов страны

в области инноваций. Это те, кто реально входит в первую десятку экспертов. Живут они, к сожалению, в основном, в городе Москве. В чем была задача ректоров вузов? Снять занятия и послать лучших студентов послушать. Так, как делают американцы. Если приезжает звезда, отменяются занятия, и я сам, как преподаватель, иду туда или посылаю лучших студентов. Но этого не произошло. У нас уничтожена система переподготовки преподавателей. И вот приезжают топ-эксперты – преподавателей нет. Аудитория достаточно случайна или сформирована мной и моими коллегами. Но это не дело. Зачем тогда этот форум вообще?

Д. – Да, приезжают люди, которых видят только по телевизору, а тут есть возможность их послушать и задать им вопросы – и почти никого из преподавателей. Это можно подытожить известным положением: качество образования не может быть выше качества преподавателя. И понятно, что гуманитарная составляющая – это не просто составляющая, это фактически стержень личности. Какой может быть гражданин, если он не знает ни истории, ни литературы своей страны, и язык у него ограничен простой и незатейливой лексикой? И если вносить хоть какую-то нотку оптимизма, без чего на самом деле невозможно. Может быть, под этот самый инновационный порыв удастся переформулировать цели реформы образования и попытаться выработать какую-то разумную стратегию. Ведь если то, что делается, продолжится, тогда теряется всякая возможность инноваций.

С. – К этому надо добавить осмысление нового места науки и форм коммуникации науки и образования и экономики. Должны появиться новые формы междисциплинарных контактов. У нас их просто нет.